

В моей руке крохотная теплая ладошка. Маленькие ножки семят рядом, едва поспеяв за моими торопливыми шагами. Голубые распахнутые глаза смотрят снизу вверх: «Расскажи сказку!» «Сказки убежали в свой детский садик, - говорю я, - но вечером они придут к тебе домой, в гости».

«А ты меня когда сегодня заберешь? Ведь после обеда я спать все равно не буду!» диалог продолжается по давно отработанной схеме. Действительно, как можно спать днем, когда на окнах в спальне – прозрачные тюлевые занавески, а солнце так и норювит заглядывать в комнату. В детсаду мне объясняли как-то, что у ребенка не должно быть ощущения замкнутого пространства. Потому такие занавески. Странно, не правда ли?

Мы в очередной раз получаем выговор за опоздание. Воспитательница сетует на то, что из-за таких вот соня группа не успевает выполнить какую-то там программу, какие-то занятия. «У них еще все впереди - и программы, и планы, и вечная спешка, - пытаюсь отшутиться я, - ребенку гораздо важнее выспаться и хорошенько позавтракать».

Наш государственный детский сад - один из лучших в районе. Попасть в него - везение почти нереальное. Мы поступили в него два года назад, заплатив «взнос» на детсадовские нужды и подклавив все мыслимые и немыслимые знакомства. Кто же знал тогда, что на очередь нужно было становиться, едва вылупившись из пеленок! Теперь знаем. Однако пополнение семейства больше не планируется. Лялькины родители делают карьеру, не карьеру даже - деньги. Такая сегодня жизнь. Они с утра до ночи на работах, и потому ребенок живет у меня, на пятидневке. Мы ходим в детский сад, а на выходные внучку забирают домой, в другой район: там для нее детсада не добыли. Вот и мотаемся - полтора часа в один конец.

Заведующую нашу уволили и даже завели на нее уголовное дело - за взятки. Трудно сказать, как она распорядилась «взносами», только в саду было всегда чисто, уютно, тепло. Теперь же, устав созерцать давно не мытые цветы в холле, на листьях которых скопился толстый слой серой пыли, я попросила у нянечки ведро и тряпку. Выдала без тени смущения.

Вообще на детсадовских родителей смотрят не только как на дойную корову, у которой вместо вымени - толстый кошелек, но и как на реальную рабочую силу: то нужно окна помыть, то песок разгрузить, ковры снегом почистить - пылесоса нет! И потому, когда воспитательница заводит речь об аквариуме для рыбок, на приобретение которого нужно в очередной раз скинуться, я настоятельно требую: «Сначала - пылесос! Ребенок приходит из сада с черными от грязного ковра коленками. К тому же у него, как у многих современных детей, аллергия, в том числе и на домашнюю пыль».

А вообще-то давно хочется вызвать санэпидстанцию или иной контролирующей орган. Вот только какой?

Когда во всем районе весной отключают отопление, в детсаду наступает «ледниковый период». Дети шмыгают носами и сидят в помещении едва ли не в пальто. Как будто не существует электрообогревателей. Наверное, пожарные запрещают. А может быть, не отключать отопление в детских учреждениях ранней весной?

Однажды, ознакомившись с детсадовским меню, я обнаружила там суп на к/л1084 м бульоне и сосиски. «К/л1084 м бульон» означает костно-мясной бульон, который, как и сосиски, сухие завтраки в виде мюсли, тушенка, детскими врачами не приветствуется. Сосиски назывались «Школьные», содержали сою, о чем знали во всех инстанциях, куда я ни звонила. Все ответственные лица ссылались на НИИ питания, в котором разработан рацион для детских садов. Иду туда. Заведующий лабораторией детского питания профессор и академик И.Я. Коль пытался развеять мои опасения. «Сою употребляет в пищу все цивилизованное человечество, это очень ценный продукт, - говорил он. - Ну и что, что она сплошь у

повинна здесь и рацион дошкольных учреждений. «А что же вы, родители, молчите?» - вопрошают они. Действительно, почему молчим? Быть может, потому, что привыкли к лозунгу советских времен «Все лучшее детям»? Привыкли доверять всяким НИИ и прочим «вышестоящим организациям» и «ответственным работникам»?

Ну как было не порадоваться распоряжению Ю.М. Лужкова об усилении контроля за качеством детского питания, о надзоре за продуктами, поступающими в торговую сеть, на предмет содержания в них модифицированных компонентов! Президент Ассоциации экологической, биологической и продовольственной безопасности РФ Игорь Митрохин, выступая в прямом эфире радиостанции «Маяк», обещал Москве пару десятков лабораторий, которые будут отслеживать продукты, содержащие ГМИ и пестициды. Наконец-то спохватились! Однако то ли не дошли распоряжения мэра до нижестоящих

СОСИСКА, СПУЩЕННАЯ СВЕРХУ

КОЛЛАЖ АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

нас модифицирована? Сосиски ведь дают в саду не каждый день, так же, как и тушенку, и супы на к/м бульонах. Почему не делать детские сосиски только из мяса? Так ведь нужно уложиться в определенную сумму, а она невелика. А вообще это не мой вопрос, насчет модифицированных продуктов. Это вам к нашему директору надо бы».

Между тем известные российские ученые считают, что раз мы не имеем данных о влиянии так называемых ГМИ на организм человека, лучше избегать их употребления в пищу. Врачи-гастроэнтерологи детских поликлиник тоже бьют тревогу: неумолимо растет численность заболеваний органов пищеварения у детей. В том числе и детсадовского возраста. Как считают специалисты,

то ли иные обстоятельства тому виной, но по-прежнему в детсадовском меню время от времени всплывает «сосиска, спущенная сверху».

Между тем плата за содержание ребенка в детсаду значительно возросла. Ежемесячная сумма под тысячу подбирается. Вместо прежних 150 рублей. Только бог с ними, с деньгами. Что изменится при этом и изменится ли что-либо вообще? Пока особых перемен не видно. Ни в детском меню, ни в устоявшемся укладе детсадовской жизни.

...Аквариум все же купили. На очереди - пылесос.

Татьяна ПОПОВА

ЗАТВОРНИК С ВЫХОДОМ В ИНТЕРНЕТ

В крохотной, скромно обставленной квартире пенсионеров Андриюшкиных, что живут в районе Метрогородка, книги - главное и единственное богатство. В домашней библиотеке - сочинения классиков мировой литературы, различные словари и энциклопедии. Их сын Игорь, едва научившись читать, проводил за этим занятием все свое время. Родители мальчика Александр Николаевич и Нина Андреевна радовались тому, что мальчик растет любознательным. Они отлично понимали: его судьба во многом будет зависеть от тех знаний, которые он сумеет почерпнуть из книг.

Игорь появился на свет 31 декабря 1977 года, за несколько часов до новогоднего праздника. И так уж вышло, что в тот момент срочное переливание крови, которое требовалось этому малышу, сделать оказалось некому. Драгоценное время было упущено. Через месяц ребенку поставили страшный диагноз - детский церебральный паралич.

Не счесть, сколько бессонных ночей пришлось матери провести у постели тяжелобольного сына. Еще больше Нине Андреевне потребовалось сил, чтобы научить Игоря самому элементарному, что для здорового человека не составляет труда. Но даже не это постоянно выбивало ее из колеи, заставляло едва сдерживать слезы, а элементарное неуважение тех, от кого зависела жизнь и без того обделенного судьбой сына.

Будучи учительницей, Нина Андреевна сумела прекрасно подготовить Игоря к школе. Она сама привозила его на занятия, вносила в класс. Четыре года он учился только на «отлично», посещал уроки вместе со здоровыми детьми, и мать радовалась тому, что сын может общаться с ровесниками. А потом директор школы запретила мальчику являться сюда - дескать, своим видом он нервнрует детей. Пришлось ему обучаться в домашних условиях.

Золотую медаль по окончании школы Игорю Андриюшкину вручал сам Юрий Михайлович Лужков, которого в этой семье всегда вспоминают с благодарностью. Мэр Москвы принял участие в судьбе их сына и тогда, когда тому без объяснения причин отказали в приеме документов в институт, где имелись условия для обучения инвалидов. Игорь Андриюшкин поначалу очень расстроился, но потом поступил в другой, Православный институт на филологический факультет, о чем сейчас, по окончании его, ничуть не жалеет. Там он увлекся философией Канта, Ильина, Бердяева, выучил английский, французский, латинский и греческий языки. А на итальянском, который изучал самостоятельно, Игорь поет по телефону песни с... Николаем Басковым, чьим голосом просто очарован. Игорь видел артиста только по телевизору, но однажды попросил знакомых, которые были на концерте, передать от него букет цветов и записку с номером телефона. Теперь Николай часто звонит знатоку своего творчества, и это для Игоря ни с чем не сравнимое счастье.

Увы, в жизни этого умного, начитанного парня мало ярких впечатлений. Поэтому каждый звонок в дверь или по телефону вызывает у него бурю эмоций. Он уже давно не выходит на улицу, потому что в доме нет лифта, а родителям, которым уже за семьдесят, не под силу вынести его из квартиры на 3-м этаже. Игорь вспоминает, с каким нетерпением он всегда ждал лета, чтобы выехать с ними на дачу. В ста километрах от Москвы у Андриюшкиных есть небольшой участок земли с крошечным домиком, который давным-давно построил отец. Но старенький «москвич», что служил им верой и правдой много лет, окончательно развалился, а купить на их пенсию даже подержанный автомобиль совсем нереально.

И все-таки Игорь не отчаивается. У него появился долгожданный компьютер с выходом в интернет, подаренный депутатом. Он пишет стихи, работы по философии. Кстати, в прошлом году за короткое время сумел основательно подготовить знакомую девушку к поступлению в престижный московский институт, где Светлана теперь и учится.

Этот сильный духом парень очень надеется, что с помощью интернета он найдет хоть какую-то работу, которая даст пищу интеллекту и будет кормить его и родителей-пенсионеров. Но пока это остается мечтой.

Тамара САПЕГИНА

Резные оконные наличники, веселые и разные. Деревянка как деревня. Стоит в низинке у Москвы-реки, в соловьином царстве, где в майском черемуховом облаке бьют такие концерты!...

Чуткая тишь. Но звуки этой деревни хорошо знакомы в концертных залах столицы. Представлял сие место на острове холме - шихане, оттого, думал, и название у деревни Шихово. Музыка ведь понятие высокое, а людей возвышают их души - не более. И тут, будто откликаясь на мои мысли, кто-то тронул струны. А из соседнего Звенигорода почудился колокольный звон.

- Где здесь, бабушка, мастера живут? - догнал идущую по воду старушку.

- Да заходи через избу - не ошибешься... - Давно ли делают музыкальные инструменты?

- Испокон веку. Бабы чулки, носки вязали - сработанное в Москву возили, а мужики гитары ладили.

- Так к кому зайти-то, бабушка? - Да хоть к Василию Полякову. Во-он изба его... Домры готовит. Можно и к Федору Ильичу Симакову. А начинка с Шибаловых - от Николая Ивановича и его отца пошло семейное дело: они и гитары, и домры, и балалайки работали...

И я стал ходить от дома к дому, чтобы узнать побольше о шиховских мастерах, найти самого-самого...

В задней пристройке тронул податливую дверь и оказался в маленькой, но светлой мастерской, половину которой занимала

русская печь. При моем появлении оторвался от занятый грузный мужчина. У другого верстака - мастер помоложе. Пригляделся, а он схож лицом с первым. Отец и сын. Усадили на табурет. Кажется, век бы

- Резонансовая ель идет на деку, клен - тоже не всякий - на корпус, и ему сушиться лет тридцать надобно, - говорит мастер, - а гриф из черного дерева делаем. Крупными чуткими пальцами творец

трогает струны готового инструмента. Чуть склонив голову, долго любуется звуком. Таким сочным, что, кажется, вот он повис в воздухе и будет теперь исходить каплейю.

- Хороша балалайка? - не могу не спросить.

- Ничего. И в неопределенном этом «ничего» угадывается мечта о совершенном инструменте. Не знаю, был ли такой у самого Страдивари, но всякий большой мастер думает о нем всю жизнь. И умирает, твердо убежденный, что самого лучшего так и не сделал. А люди будут восхищаться его инструментами, помещать в музеи, не замечая в творении изъянов, которые мучили мастера до того, что иногда все это едва не превращалось в груды щепы.

- Ведь каждый инструмент записан в голове. И все думаешь: следующий лучше выйдет, учту же казусы бывшие... Учел, а что-то опять не по душе. Вот уж десятилетия лет за плечами, жизнь почти прожита, но инструмента, который бы нра-

вился самому, еще не сделал, - и мысленно, через года, вижу за этими словами шиховских мастеров - Полякова, Шибаловых, Симакова, они как бы прислушиваются к хору имени Пятницкого, Государ-

ственному струнному оркестру, Краснознаменному ансамблю... Строгая тишина концертного зала внемлет голосу инструментов, сотворенных ими. И чудится, будто это сами мастера высказываются, будто это их сердца поют, красиво и сильно.

И думалось о том, что уходит, чхнет дело шиховских мастеров. На поток его не поставишь, когда все на одно лицо - разве ж этому учились у поколений?

Голос Николая Ивановича Шибалова возвратил меня в мастерскую.

- Тут пружины особым веером внутри корпуса гитары расположил, и звучание улучшилось...

Сколько же экспериментов провел он с тех пор, как его двенадцатилетним мальчишкой впервые подпустили к делу! Отец мастерил только гитары и отвозил их в Москву. Хозяин магазина музыкальных инструментов Авилов, струнный знаток, как он сам себя называл, говаривал бывало:

- Смотри, какое чудо отец-то твой сотворил! Учись и ты...

Николай настойчиво постигал премудрости редкого дела. Одной гитары показало мало. У тестя своего, Ивана Михайловича Казеннова, научился домры делать и уже сам - балалайки. Читал я обращенные к нему письма от музыкантов. «Привет из Сибири русскому Страдивари...», «Инструмент ваш - отменный...», «Слышал вашу балалайку - чудо, жду такую же...»

Большинство из оставшихся шиховских мастеров делают сейчас лишь домры, хотя они тоже бывают всякие: пикколо, прима, альт, тенор... Хорошая домра требует большого умения, но все-таки она - первая ступенька к настоящему мастерству. А такую гитару, инкрустированную перламутром, певучую, какую видел у Николая Ивановича, сразу не создашь. Она уже не только умения, но и таланта особого требует.

А гитара в его руках вспоминала Есенина, рассыпалась «Барыней», с подголосками, с переборами выводила «По улице мостовой...». Нет, тут дело не в одном навыке, дереве, клее и лаке, тут - какое-то проникновение в суть каждой из вещей и поклонение уже одному: только испроси душа музыки, и на любой ее порыв отзовутся струны.

- Сколько же учиться этому надо, сколько времени постигать?

- Всю жизнь, - ответил Анатолий Шибалов, что стоял рядом с отцом. - Да, наверное, и ее мало.

Владимир ЧЕРТКОВ